С тех пор как Цзян Шуяо начала ходить с утренним и вечерними приветствиями к свекрови, ей больше не удавалось выспаться. Это еще не было большой проблемой, вернувшись с утренних приветствий, она всегда могла снова заснуть. Но через несколько дней старая госпожа велела ей переписать Священные Сутры, что поставило ее в тупик - она не умела писать кистью.

Но отвертеться от этого задания было совершенно невозможно. Даже если бы она была недостаточно умна, чтобы сделать это, она знала, что в большом доме старая госпожа - главная среди женщин, и ее нельзя обижать.

Даже если она попросит кого-нибудь скопировать Священные Сутры для нее, все слуги в поместье – люди старой госпожи. Будет ужасно, если ее поймают. Поэтому ей пришлось копировать их самой. Днем она копировала сутры в маленьком зале Будды, устроенном старой госпожой, а ночью должна была возвращаться и продолжать копирование при свете масляной лампы.

В восточном крыле не было письменного стола, а обычный стол был неподходящей высоты, поэтому после двух дней копирования у нее начала болеть спина. На третий день, когда она вернулась с сутрой в руках, она обнаружила, что в кабинете Се Сюня все еще горит свет, поэтому она нахально пошла туда.

Се Сюнь не слишком заботился о своем собственном дворе, поэтому его дверь не охранялась. Цзян Шуцзяо подошла и заглянула внутрь.

- Кто это? - холодный голос Се Сюня доносился изнутри.

- Это я, - Цзян Шуяо прислушалась к его словам и намеренно сделала свой голос более приятным, - Муж, могу я войти?

Изнутри не последовало никакого ответа. Цзян Шуяо подумала про себя: «Это неправильно, мой голос был таким приятным, почему он никак не отреагировал?»

Се Сюнь положил кисть и встряхнул рукавами, чтобы избавиться от мурашек. Он начинал жалеть, что не попросил слугу охранять дверь, тогда тот по крайней мере, мог бы остановить Цзян Шуяо напрямую.

- Муж? - за дверью снова раздался ее голос, на этот раз еще более слащавый.

Брови Се Сюня вскинулись, впервые за все время замужества он услышал от нее такой «нежный» тон. Он закрыл книгу и сказал:

- Входи.

Цзян Шуяо ворвалась в дверь без всякого чувства приличия, сжимая в руках несколько толстых

томов священных писаний.

- У меня там нет стола, так что можно я немного посижу с вами? - она добавила, - Не волнуйтесь, я буду вести себя тихо и ни в коем случае вас не потревожу, завтра я попрошу кого-нибудь купить мне стол.

Се Сюнь не хотел тратить времени на разговоры с ней и кивнул, а служанка Цзян Шуяо тут же принесла стул. Она села, как хорошая девочка, съежившись в углу стола и не занимая много места.

Се Сюнь изначально подозревал, что она хочет воспользоваться этой возможностью, чтобы сблизиться с ним, поэтому он хотел дать ей понять, что не собирается пытаться облегчить их отношения, проявляя щедрость.

Меньше всего он ожидал, что она сядет и будет спокойно писать, не удостоив его ни единым взглядом.

Сейчас стоял конец весны, температура вечером была приятной, поэтому Цзян Шуяо носила только тонкое платье нежно-желтого цвета, которая не очень шло ей. По крайне мере не так, как красное платье, которое она надела в первый день замужества.

Находясь дома, Цзян Шуяо не очень заботилась о своей внешности: откинутые назад чернильно-черные волосы спадали на плечи, а в пучке, небрежно стянутом голубым шелком, торчала нефритовая заколка. Мягкий свет свечи оттенял ее светлое лицо туманной нежностью, наполняя его сияющей изнутри ленивой негой.

Глаза Се Сюня переместились на ее черные волосы. Ее типаж не подходил для ношения нефритовых украшений, ей больше к лицу золотые украшения, которые редко встречаются среди женщин. Знатные женщины в столице предпочитали нефритовые украшения, считая золото богатым и красивым, но более вульгарным. Однако, похоже, что «вульгарный» образ больше подходит для ее очарования, которое невозможно подавить.

Он отвел взгляд, его мысли унеслись прочь, и он не перевернул ни одной страницы в книге. Только когда Цзян Шуяо внезапно положила кисть, он пришел в себя. У нее болело запястье от неправильного нажима, поэтому, положив кисть, она нахмурилась и с горьким выражением лица потерла руку.

Се Сюнь холодно проговорил:

- Ты что, никогда не училась держать кисть дома?

Уровень каллиграфии Цзян Шуяо все еще был на уровне младших классов начальной школы, и она не ответила, снова взяв кисть и пробормотав:

- Как я могу закончить копировать так много? Я просто хочу поскорее избавиться от этого поручения.

Когда она была молода, ее мать также использовала копирование Священный Сутр, чтобы наказать свою невестку и вторую жену.

Когда Се Сюнь увидел ее грустное лицо, в его глазах появилась улыбка. Он встал и подошел к ней, наклонился, чтобы взглянуть, и редкая улыбка, которую нелегко было увидеть на его лице, внезапно рассеялась.

Хотя у него есть некоторые таланты, он был не из тех людей, которые смотрят на посредственных людей свысока из-за своей собственной хорошей квалификации, но почерк Цзян Шуяо...

- Ты пишешь? Или ты рисуешь талисман против призрака? - он с детства не видел такого уродливого почерка!

- Эй... - Цзян Шуяо взяла книгу, которую она копировала, и внимательно просмотрела ее, - Почему вы так говорите?

Этот уровень намного превышает уровень ее учеников того же возраста в начальной школе, понятно?

- Ты... - Се Сюнь не решался что-либо сказать. Он слышал о репутации Цзян Шуяо как о необразованной и неквалифицированной, но он никогда не думал, что она была настолько необразованной и неквалифицированной. Ее почерк хуже, чем у двух его маленьких племянников.

Се Сюнь не сдержал яда:

- Даже если ты закончишь копировать эту книгу, ты не сможешь сдать свою работу.

Цзян Шуяо была опустошена и с грохотом ударилась головой о стол:

- Что же мне делать? Я схожу с ума.

Се Сюнь почувствовал беспомощность, отвращение и веселье. Он откинулся на спинку стула и сказал:

- Мать просто хочет подточить твой характер. Вместо того, чтобы работать по ночам, почему бы тебе не показать больше производительности днем, и когда представится удобная возможность, тогда и передай готовые писания матери.

Он редко говорит так много, но сделал это, чтобы снять беспокойство Цзян Шуяо. Девушка бросила на него удивленный взгляд. Оказалось, что он хороший человек...

Нет, он учит ее, как выкручиваться и разыгрывать трюки, значит, это хороший человек, который учит ее делать плохие вещи?

После того, как Се Сюнь закончил говорить, он понял, что сказал слишком много. Он проигнорировал ее и снова взялся за книгу.

Цзян Шуяо осталась сидеть на скамейке и размышлять, как себя вести, получится ли у нее притвориться милой? Когда она задумывалась, у нее всегда неосознанно проявлялось несколько маленьких привычек, с которыми она ничего не могла поделать. Например, когда она думала, она кусала колпачок своей ручки.

И тут глаза Се Сюня увидели, как она засунула кончик кисти в рот. Возможно, потому что это действие было слишком детским, он неосознанно взглянул на нее во второй раз.

Она полулежала, опираясь на край стола, как будто лишилась всех костей. Голубая шелковая лента стекала с шеи, подчеркивая ее стройную белизну. Ее кожа напоминала свежевыпавший снег, а красные губы, слегка покусывающие кончик кисти, были пухлыми и мягкими. Жемчужный свет придавал им нежный и розовый блеск, как будто красный цветок, истекающий медом в ожидании, когда его сорвут.

Глаза Се Сюня словно ошпарило, и он лишь взглянул на нее, после чего быстро отстранился, пытаясь стабилизировать свое состояние, похожее на транс.

Он продолжал делать вид, будто серьезно читает книгу, но сам не знал, какие заметки делал на полях.

Только когда Цзян Шуяо неожиданно сказала «хэй», он опомнился и, присмотревшись, обнаружил, что на полях книги нацарапал несколько строк из священного писания: «Форма не отличается от пустоты, пустота не отличается от формы. Форма - это пустота, пустота - это форма. То же самое относится к восприятию и сознанию».

Он с треском закрыл книгу и ответил:

- В чем дело?

Цзян Шуяо смотрела на него с серьезным лицом и недоумевала, на кого он сердится. Она не знала, что это была книга по истории, где мудрый министр был убит предателем ...

Она ответила:

- Я голодна и хочу сходить на кухню, чтобы поесть. Хотите чего-нибудь?

Се Сюнь не был голоден, но после того, как она это сказала, он тоже немного проголодался и кивнул:

- Я пойду с тобой.

Цзян Шуяо уже встала и удивленно оглянулась на него. Се Сюнь шел, заложив руки за спину:

- В комнате немного душно, выйду подышать воздухом.

- О, - Цзян Шуяо кивнула, и они друг за другом вышли за дверь.

Она думала, что Се Сюнь просто хочет немного постоять во дворе, чтобы подышать воздухом, но не ожидала, что он последует за ней на кухню. Она опустила фонарь и сказала:

- Разве не говорят, что джентльмен должен держаться подальше от кухни?

Се Сюнь последовал за ней:

- Это фраза из «Книги обрядов» Юй Цзао, «Джентльмен должен держаться подальше от кухни, там, где есть кровь, жизненная сила и прочее, не стоит практиковать». Это означает, что все, что имеет кровь и жизненную силу, не должно быть убито собственными руками, поэтому держаться подальше от кухни - самое благое дело, не имеющее ничего общего с самой кухней.

- Ах, вот так, - Цзян Шуяо действительно внимательно слушала, выглядя так, будто она «училась».

Затем она сложила руки на груди и посмотрела на плиту, со странным, немного смешным выражением на лице:

- Я не знаю, как разжечь огонь ...

Она уже собиралась выйти и позвать кого-нибудь, но не ожидала, что Се Сюнь сразу же присядет на корточки и возьмет кремень. Чиркнув несколько раз, он поджег дрова. Его движения были аккуратными и плавными, ошеломив Цзян Шуяо.

- Откуда вы знаете, как это делается?

Се Сюнь слегка взглянул на нее:

- Я не всегда могу брать с собой слугу в своих путешествиях, - разве она не была влюблена в него раньше? Как получилось, что она этого не знает?

Цзян Шуяо была озадачена этим взглядом, но не стала спорить с ним. Налив воды в кастрюлю, она накрыла ее крышкой, чтобы подождать, пока вода закипит, а потом забросила туда лапшу.

Затем она повернулась, чтобы найти овощи и вымыть их. Мелко нарезав зеленый лук и измельчив кубиками грибы шиитаке, она бросила их в лапшу, поварила некоторое время, добавила овощи и бланшировала их в кипящей воде.

Полив блюдо соевым соусом и уксусом и посыпав рубленым луком, Цзян Шуяо зачерпнула две ложки тушеной свинины из другой маленькой кастрюли и положила на лапшу.

- Это всего лишь лапша с тушеной свининой, - сказала она.

Вдвоем они не вернулись в кабинет, а отправились в восточное крыло, чтобы перекусить.

Лапша была очень проста в приготовлении, но она отлично подходит для ужина. Суп с лапшой был освежающим, с растительной свежестью от нарезанных кубиками грибов, чей пикантный аромат смешивался со слабым привкусом зеленого лука, делая вкус легким, но не менее интересным.

Тушеная свинина была приготовлена Цзян Шуяо во второй половине дня, и она планировала съесть ее с рисом, но в итоге не смогла поужинать даже после возвращения с вечернего визита к свекрови.

Тушеное мясо было приготовлено из смеси постной и жирной свинины, нарезанной мелкими кубиками и обжаренной в масле. Затем к ней добавили специи и тушили на медленном огне, а в конце растворили в получившемся соусе каменный сахар, чтобы карамелизировать цвет. Затем она отрегулировала огонь - при правильном нагреве нарезанная кубиками тушеная свинина готовится до красно-карамельного цвета, а не чернеет, и каждый кусочек покрывается коричнево-красным соусом.

Тушеное мясо дымилось и согревалось супом с лапшой, который слегка помешивали, чтобы легкий суп не испортил оригинальный вкус свинины.

Се Сюнь взял лапшу палочками и смешал ее с тушеной свининой. Лапша была гладкой и горячей, сохраняя свой первоначальный освежающий вкус. В свиной грудинке чередовались жирные и постные слои мяса. Жирное мясо было хрустящим и мягким, а постное мясо хорошо впитало густой соус. Тушеная свинина была богата вкусом и таяла во рту без единого следа жирности.

Зеленая капуста еще больше устранила жирность тушеного мяса, оставив явно не

вегетарианское вечернее блюдо свежим, хрустящим и теплым.

Се Сюнь очень любил тушеную свинину и съел все мясо из чашки. Цзян Шуяо хотела спросить его, не хочет ли он пойти на кухню, чтобы добавить еще одну ложку, но когда она увидела, что он спокойно ест, она подумала «еда не для слов» и замолчала.

Соус из тушеной свинины смешался с супом, и даже лапша была покрыта насыщенным мясным вкусом. Медленно пережевывя, Се Сюнь дочиста съел всю чашку. Его чашка с лапшой была вдвое больше, чем у Цзян Шуяо, и когда она увидела, что он выпил даже остатки супа, она не могла не задаться вопросом, то ли у него слишком хороший аппетит, то ли она слишком хороший повар.

После вечерней трапезы они оба слегка вспотели и лениво откинулись на спинки кресел. Чуть позже Се Сюнь вернулся к себе в кабинет и некоторое время читал книгу, прежде чем умыться и лечь спать.

http://tl.rulate.ru/book/43899/1607508